

Бабанский, Алексей Степанович

Украина, Житомир
ноябрь 2006 г.

Я получил от Вашего общества приветствия и наилучшие пожелания крепкого здоровья. Большое спасибо за Ваше внимание. Я желаю Вам здоровья и дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности на благо наших народов. Помощь 300 евро получил.

Немного о себе. Попал в плен я в мае месяце 1942 г., в Крыму, на Керченском полуострове. Это был первый морской десант под новый 1942 г. Без какой-либо помощи, как в материальной, так и в людской силе, мы продержались до мая 1942 г. И если бы крымские татары нам не вредили (не давали питания, воды, бросали дымовые шашки в катакомбы и т.д.), мы бы еще держались. А так мы вынуждены были выйти из укрытия. Я был ранен в бою и меня взяли в плен. Военнопленных гнали. В полном смысле этого слова гнали, а не вели. Обращение было страшное, плохое. Не так было обидно такое грубое, варварское отношение со стороны немцев, как со стороны полицаев («новых украинцев»). Немцы были завоеватели, а полицаи – изменники. Многих, которые не могли передвигаться по дороге, расстреливали.

Мой первый лагерь для военнопленных был в городе Ченстохов. Это был распределитель. Я попал на работу в каменный карьер, уже на территории Германии. Города не помню. Это был адский труд. Камень выносили на-гора на плечах, с помощью так называемых «козликов». Хотя техника была. Кто изнемогал, тех увозили. И больше их не видели. Говорили, что повезли на мыло. Подтверждение тому мы видели каждые два дня: из трубы шел черный дым.

Лагерь был обнесен в два ряда колючей проволокой. Между проволокой бегали собаки, овчарки. Если кто из пленных подходил ближе двух метров к проволоке, из вышки строчил пулемет и убивал этого человека. А постовой с вышки довольно смеялся и говорил: «Рус капут!»

После закрытия карьера я попал на лесопильный завод в город Рубиланд. Там обращение было намного лучше. Лучше было питание. Лучше было морально. Работали по 10-12 часов, а при наличии работы заставляли и дольше работать. Все тяжелые работы выполняли пленные. На деревообрабатывающих станках работали немцы. Помню девочку Еву, мальчика без уха и двух стариков. Был еще один немец Макс, который измерял древесину. Было два мастера, один старый, а второй помоложе. Один из них был инвалидом и жил рядом с заводом. Макс и мастер, который жил рядом с заводом, были человечными. А остальные как звери, особенно один охранник, Фриц. Все время грозил расстрелом и бил пленных штыком, который все время носил в чехле. Последние 3-4 месяца на заводе было только два немца, Макс и мастер-инвалид. Мы уже знали, что вот-вот конец войне, но бежать нам к своим было очень далеко. Мы решили бежать к американцам, а немцы даже не были против. Работы уже не было, питания тоже. И мы разошлись кто-куда.

Я со многими товарищами дошел до города Гольц или Гельмштадт, в котором был лагерь для военнопленных. Там нас обрабатывали по-своему. Тот, кто не был согласен с их предложением, передали нашим войскам. После тщательной проверки я попал в штрафную роту, искупать свою вину кровью. После окончания войны я еще несколько раз проверялся в КГБ как бывший «изменник родины». Но сейчас, слава Богу, считаюсь участником боевых действий, инвалид войны первой группы. Ранения дают о себе знать.

Большое спасибо Вам, пани Хильде Шрамм и панн Эберхард Радзувайт, а также всем жителям Вашей страны, которые стали помогать через Ваше общество. Они понимают страшные пытки, которые перенесли военнопленные. Пищу Вам, а сердце мое плачет от тех ужасов, которые переносил я и другие. Всем Вам благодарность за Ваше понимание, уважением. Желаю Вам здоровья, счастья, мира для Вас и Ваших внуков, правнуков. Пусть торжествует мир между нашими народами!

С уважением и наилучшими пожеланиями, бывший военнопленный Алексей Степанович Бабанский и моя семья.

